

2.3. Общественный прогресс на базе плодородного (золотого) полумесяца и правильное толкование жизни

В этом разделе я пытался специально проанализировать воздействие определенных социальных критериев времени и места на тот или иной стиль жизни. С методологической точки зрения я особо пытался подчеркнуть, что социальные реалии есть реалии, созданные человеком. Этот вопрос настолько важен, что любого рода деятельность, направленная на обогащение знаниями, без должного осмысления может превратить понятия «обучение» и «смысл» в своего рода продолжение невежества и бессмыслицы. Я утверждаю, что невежество, охватившее капиталистический модернизм, гораздо масштабнее невежества Абу Джахилия, которое было подвергнуто жесткой критике и в итоге проклято еще на заре зарождения великих религий. Основная причина этого заключается в позитивизме, ставшем своего рода религией, вероятно, наиболее материалистической из всех. Религия, в которую выродился позитивизм, мало того, что является продуктом человеческого мышления по характеру, представляет собой по существу метафизику.

Чтобы доказать это, в части, касающейся методологии, я довольно подробно рассуждал о том, что человек с точки зрения собственного мышления является метафизическим объектом. Позитивизм не осознает того, что такая позиция является ничем иным, как «идолопоклонничеством» Древнего Мира. Я решительно утверждаю, что позитивизм есть идолопоклонничество. Позитивизм не служит постижению истины. Позитивизм — это не научная философия, основанная на фактах, как бы позитивисты ни настаивали на обратном, потому что такая философия не может существовать. Факт — это любое явление, или звук, нечто, видимое глазом и воспринимаемое слухом. Любое чувство также является фактом. Но станет ли хоть кто-то, пусть даже самый невежественный человек, настаивать на том, что вселенная состоит из одних чувств? По мнению Платона, факты нельзя считать даже представлением. По мнению Ницше, каждый факт может считаться примитивным элементом восприятия. Так что можно подробнее остановиться на взаимосвязи восприятия и факта, примерно так же, как мы подробно рассмотрели взаимосвязи субъекта и объекта.

Очень жаль, что модернизм представляет собой картину жизни, построенной на примате фактов. Я осознанно использую слово «картина», потому что модернизм связан не с сутью жизни, а с самой поверхностной ее формой. Положение, которое высказал, но не смог раскрыть Адорно — «Неправильную жизнь нельзя прожить правильно», — стало итогом глубочайшего эмоционального разочарования философа во время геноцида евреев. Это высказывание, по сути, ключевое, не раскрыто и не истолковано.

Из чего исходит основная ошибка жизни? Кто в ней виноват? На чем она построена? Каковы ее взаимоотношения с господствующей социальной системой? Ответов на эти и подобные вопросы нет. Исследователи ограничились лишь поиском истоков в процессах, происходивших в эпоху Просвещения и рационализма. Сам предмет спора, то есть ошибочная форма жизни, был оставлен без освещения.

Аналогичные усилия прилагал и Мишель Фуко. Но Фуко ограничился лишь фразой «Современность есть смерть человека». Как мог столь известный философ вместить такой серьезный жизненный вопрос, как смерть человека, всего в одну фразу? Не имеет особого смысла говорить о ранней смерти. Серьезная истина требует обоснования, даже если его приходится делать на последнем дыхании. Даже перед лицом смерти Коперник говорил, что Земля все-таки вращается вокруг Солнца. И на Западе, и на Востоке есть множество подобных толкователей истины. Критики постмодернизма, погрязшие в преступлениях, совершенных модернизмом против жизни, стыдливо приоткрывают завесу над правдой. Речь идет об общем языке всех, кто погряз в рабстве, чье мышление оказалось заполненным системой знаний, преподносимых властью. В какой-то степени это эзопов язык!

Повторю: тезис, который я намерен раскрыть, сводится к представлениям о подлинной и неподлинной жизни. Могли ли цивилизации прошлого, а не только модернизм (капитализм) предоставить такую форму жизни, которая устроена безупречно? И не несут ли солидарную с капиталистическим модернизмом ответственность за ошибочную основу жизни шумерские жрецы и боги-цари, египетские боги-цари и персидские цари, Александр Македонский и римские императоры, исламские султаны и европейские монархи, системы правления которых составляли официальную основу жизни? Если на шею общества надевается цепь, то ошибочно устроенная жизнь, передаваясь через звенья этой цепи, постепенно укореняется в обществе. Недостаточно валить ответственность за ошибочный стиль жизни только на модернизм и его войны и резню. Ответ так же глубок, как глубоки корни проблемы. Остановившись на великой культурной революции, имевшей место в Плодородном Полумесяце, и стиле жизни, которому она способствовала, мы постарались дойти до корней всех этих проблем.

Безусловно, мы не можем полностью объяснить общество культурой. Необходимо добавить многие факторы, но нельзя игнорировать то, что в основе лежит культура. При необходимости мы должны будем раскрыть также смысл, который мы вкладываем в понятие «культура». Под этим словом мы подразумеваем местность, географический регион, обладающий особенностями, обуславливающими длительное осознанное сосуществование истории и общества. Мы не собираемся осознать общество, как сущность, начавшую свой путь развития с нуля в упряжке с историей и географией. Но хотим подчеркнуть, что именно

история и география сыграли основополагающую роль и существовании большого количества общественных формаций, построенных в истории. Необходимо отметить, что общественные формации состоят из жизненных звеньев с характерными критериями времени и места, и каждое звено настолько же похоже на соседнее, насколько имеет свою специфику.

Различия в жизни семитских и китайских обществ, восходящие к различиям в фундаментах, основанных десять тысячелетий назад, в определенной степени помогают осознать уровень современной жизни этих обществ. Аналогичная особенность также характерна и для арийской культуры. С другой стороны, мы должны сделать философские выводы о том, что фундаментальная культура жизни, которая возможна на государственном и иерархическом уровне, под руководством королей в масках и без масок, завуалированных и голых, возведена к официальному уровню, и это привело к серьезным искажениям смысла, заблуждениям, что в конечном итоге оборачивается уязвимостью перед разнообразными грязными методами, войнами и резней. Речь может идти об официальных и неофициальных стилях жизни на вертикальном уровне и стилях жизни на горизонтальном уровне. Опять-таки, суть социальной жизни, являющейся главным источником, определяет все формы существования в указанных звеньях.

Попробуем несколько раскрыть содержание понятия «культура». Несомненно, клановое сообщество тоже обладает собственной культурой, следовательно, в нем существует своя форма жизни. Аналогичным был смысл жизни в клановом сообществе. Язык и мышления в клановых сообществах выражаются с помощью знаков. В принципе, кланы недалеко ушли от приматов, то есть от животного мира. Говоря об одном отдельном клановом сообществе, можно подразумевать все остальные кланы. Удовлетворение насущных потребностей, безопасность и размножение — вот три столпа, объединяющие чуть ли не всех животных. Мы уже говорили о существующей связи с ограниченностью мышления. Развитие различий в жизни свидетельствует о развитии гибкости мышления, переходе к символическому общению и использовании материальных объектов, в рамках которых они развиваются.

Культурное развитие, в таком случае, является обобщенным выражением материальных объектов, усложняющихся вместе с развитием гибкости мышления и языка символов. Если в узком смысле слова культура определяет сознание, шаблоны мышления и язык определенного общества, то в широком смысле она становится выражением накопления материальных ценностей (производство, хранение, формы обмена всех необходимых средств и материалов, пищи, транспорт, оборону, жилье, весь комплекс способов поддержания красоты). Культура определяет сознание, а также сходство способов мышления, разброс между различиями, недостатками и достоинствами, а также аналогичный уровень жизни.

Мы должны повторно указать, что интеллектуальные и материальные накопления созданы, благодаря личным способностям человека, в этом смысле, они нашли свое выражение в форме социальных реалий. В таком случае, мы не нанесем серьезного ущерба смыслу, утверждая о том, что на протяжении миллионов лет в эпоху древнекаменного века, жизнь в различных клановых сообществах практически была однообразной, и каких-либо существенных различий не наблюдалось. Именно по этой причине мы со всей серьезностью

отметили выход на историческую арену великих культурных пластов. В принципе, каждый серьезный культурный пласт означает развитие новой формы жизнедеятельности, серьезно отличающейся от других. В этом смысле можно отождествить социальный прогресс с прогрессом культурным. Сказанное можно сформулировать следующим образом: чем больше гибкость и свобода сознания, тем осмысленнее язык символов, богаче мышление, следовательно, способность создавать больше объектов материальной культуры, а в итоге — и прогресс социальной жизнедеятельности.

В данном разделе выдвигается версия, что общественный уклад, как искусственная реальность, в основе своей не является — плодом деятельности человека. Безусловно, нельзя игнорировать материальную составляющую и биологический прогресс, наличествующие в обществе, мы знаем о исследованиях в области физики, химии и биологии. В частности, антропология и психология, исследующие человека как вид и концентрацию разума, достигли в своих сферах впечатляющих результатов. Хотя мы сделали ряд критических замечаний, следует признать, что наука даже в ее раздробленном состоянии дала много. Смысл наших постоянных напоминаний о том, что общество представляет собой отдельный уровень восприятия, сводится к акценту на разнице между социологией и прочими науками. Без осознания этой разницы мы не избежим болезни «научности», совершив ту же серьезную ошибку, что позитивисты. Итогом же становится геноцид, характерный для капиталистического модернизма. Повторяю: геноцид, страшнейшее преступление, повергшее в ужас Адорно — это явление, существование которого не может быть объяснено никакими божественными предписаниями или человеческими исследованиями, это идеология, заставляющая сжигать на одном костре все книги, и основанная на ошибочном построении жизненного уклада. Очень важно утверждение, что жертвы геноцида не будут упоминаться никак иначе, нежели в упомянутом смысле. Современная жизнь и позитивизм настоя — чиво игнорируют эту истину, словно уверены в том, что социальная жизнь будет продолжаться, несмотря на новые и новые факты геноцида. Или они легкомысленно считают, что без искоренения геноцида и его устоев возможна дальнейшая жизнь со всеми искажениями сознания и материальными достижениями — цивилизации, способствовавшими появлению этого преступления. Так, именно эти проявления легкомыслия, которым не должно быть места ни в одной книге и, следовательно, в мышлении, стали причиной раздражительности, ухода в себя и в конечном итоге смерти Адорно.

Я пытаюсь раскрыть, осмыслить и практически реализовать нашу способность выявить источники такого легкомыслия и найти пути их искоренения. Мы ни в коем случае не должны игнорировать процесс образования очагов геноцида внутри наличного модернизма. Развивающиеся на наших глазах события в Ираке в явной или неявной форме дают почувствовать человеконенавистническую и преступную сущность всех режимов Ближнего Востока не только тем, кто сгорел и исчез в горниле этих режимов, но и сторонним наблюдателям. Но, с другой стороны, мы видим величайший поиск свободы. Свободная жизнь и геноцид никогда не смогут быть частями одной дилеммы. Мы не вправе становиться соучастниками этого преступления, продолжая такое существование. Как же получилось, что эта земля, ее история, способствовавшие формированию самого богатого смысла жизни, оказались в таком состоянии? С одной стороны, межэтнические войны, установившие первичный смысл жизни, а с другой — войны под предводительством

последнего великого божества модернизма? Одним словом, постоянное возвращение к теме, поиск ответов и осуществление практических действий неизбежны.

Опишу вкус жизни в регионе Плодородного (Золотого) Полумесяца несколько беллетристически. Начну с цитаты из Бредвея, проводившего раскопки в районе Диярбакыр-Чайоню: «Нигде в мире жизнь не может быть такой осознанной, как в предгорьях дуги, описываемой горной грядой Тавра и Загроса». Что же могло побудить человека, выросшего в совершенно далекой от этих мест культурной среде, произнести подобные слова? Отчего археолог и историк, хорошо знакомый с цивилизацией, увидел наиболее осознанный характер жизни именно в этом культурном ареале? А ведь те, кто родился и живет на этой земле, готовы покинуть ее в обмен на работу в Европе за мизерную плату. Они воспринимают свою миграцию как уникальный подарок судьбы как будто бы у них нет ни святынь, ни эстетических ценностей?!

Должен признаться, что и сам я, некогда «заболев» модернизмом, хотел сбежать от всех, в том числе от родителей. Я часто признаюсь себе, что именно это было самой большой ошибкой в моей жизни. Но в то же время я знаю, что недалеко ушел от наблюдений Бредвея; будучи сыном этих предгорий, я видел на вершинах гор священные троны богов и богинь, а в предгорьях видел остатки созданного ими рая и хотел без остановки бродить по этим местам. Еще в детстве меня прозвали «любителем гор». Как я узнал позднее, такая жизнь больше характерна для бога Диониса, которого сопровождали группы вакханок — свободных девушек, сведущих в различных искусствах. Они вместе ели, пили и развлекались. Мне нравится такая божественная жизнь. Кстати, философ Ницше предпочитал этого бога Зевсу. Многие свои афоризмы он даже подписывал «ученик Диониса». Еще живя в селе, я понимал, что это не совсем соответствует догмам религии, но, тем не менее, больше любил играть с девушками различные игры — в свадьбы, прятки. На мой взгляд, естественность должна быть именно такой. Я, по существу, никогда не одобрял того, что главенствующая культура обрекает женщину на закрытость. Я не принял закон, называемый ими честью. По сей день я полностью готов свободно общаться, играть с женщиной, делить с ней прочие священные жизненные ценности, но я говорю категорическое «нет» связям с женщиной, основанным на силе, порабащившим ее, как бы это они назывались, что бы в них ни вкладывали.

Поскольку в образах богинь я вижу свободолобивых женщин, родившихся в этих горах, я попытался осмыслить свою позицию именно с этих позиций. Вот что я часто вспоминаю: услышав в новостях, что «группа женщин из юго-восточных областей, находившихся в грузовиках и тракторах, погибла в дорожно-транспортном происшествии в таком-то уезде, по пути на полевые поденные работы», я испытывал в отношении их так называемых хозяев — мужей, семей, властной иерархии и государства — такие ненависть и гнев, которые не испытывал никогда и ни к кому. Но как возможно такое падение тех, кто ведет родословную от богинь? Падение, которому воспротивились и разум мой, и дух, никак не умещалось в моем сознании. В моем представлении женщина или должна быть святой, как богиня, или вообще не должна жить никак иначе. Я часто думаю о верности высказывания «Основным мерилom в характеристике того или иного общества является уровень жизни женщин в данном обществе». Применительно к своей матери я использовал такое выражение — наследие культуры матери-богини эпохи неолита. Она была такой же полной, как они.

Искусственный созданный модернизмом образ матери помешал мне увидеть в ней ту самую святость. Несмотря на глубокую боль, не раз испытанную мной в жизни, я никогда серьезно не оплакивал события. Но, искоренив в своем характере шаблоны модернизма, я с трепетом и со слезами на глазах смотрел на положение собственной матери, а в ее лице на положение всех матерей нашего региона (Ближнего Востока). Как самые лучшие и волнующие воспоминания проносятся в моей памяти те мгновения, когда я, отпивал немного из кувшина с колодезной водой, который моя мать от усталости на полпути опускала на землю. Я искренне советую всем пересмотреть взаимоотношения с родителями, но только после того, как в вашем сознании однозначно будут разрушены все шаблоны модернизма. Я бы хотел, чтобы аналогичная точка зрения распространилась и на взаимоотношения в селе, ставшие наследием эпохи неолита. Самой крупной победой модернизма, безусловно, явилось разрушение и полное уничтожение нашего культурного своеобразия, сформировавшегося на протяжении пятнадцати тысяч лет. Совершенно очевидно, что тяжело ожидать какого-либо свободного взгляда, сопротивления и жизненной страсти от личности и общества, чьи культурные позиции и взгляды унижены до такой степени.

Любое растение или животное у подножий нашей горной дуги становились поводом для моего эмоционального всплеска. Казалось, я видел в них носителей некоего священного смысла. Мы были друзьями, созданными друг для друга. Переполненный любовью, я восхищенно наблюдал за родными растениями и животными. Такой была моя любовь. По сей день я не могу простить себе то, как безжалостно и бессмысленно я отрывал головы подстреленным мной на охоте птицам. Именно это ощущение, как никакое иное, позволило мне увидеть серьезную угрозу, которую таит в себе противостояние субъекта и объекта. Моя экологическая концепция напрямую связана именно с признанием своей детской вины. Я смог бы устранить эту серьезную угрозу своему духовному состоянию, оставшуюся от культуры охотника, только сорвав с сильного эксплуататора и повелителя маску воинственности и власти, которая есть практически единственное его достоинство (те же самые божества в масках и без них, завуалированные и голые короли). Не поняв языка растительного и животного мира, мы не смогли бы понять самих себя, не смогли бы стать созидателями экологического общества. Именно таким образом я смог осмыслить не отпускающие меня воспоминания о мире растений и животных.

На примере хозяйства своего отца я вспоминаю картины сельской жизни, которые разворачивались с ранней весны до поздней осени на полях, начинающихся от самых подножий гор. Пахота, сев, уборка урожая, вязка снопов — все это переполняет меня чувствами, сравниться с которым вряд ли могут эмоции, вызванные самым хорошим романом. Я очень жалею, что нам не удалось понять этих путников божьих и подружиться с ними. Тем более, что все мои отношения и связи развивались вокруг дружбы. Но я до сих пор не могу простить себе, что из-за устрашающих модернистских взаимоотношений я оказался не способен даже горевать из-за страшной утери, связанной со смертью отца. Я иногда задаюсь вопросом: может быть, отец был слабым, но одним из самых чистых и верных слуг божьих?! В принципе, в моем понимании самыми уважаемыми являются отцы-земледельцы.

Отношения на селе казались мне отжившими свое мертвыми отношениями какого-то неизвестного периода. Сейчас я воспринимаю мой побег из села в город как преступление. Теперь я не сомневаюсь, что идеальной для жизни человека является не зараженный раковой опухолью городской модернизм (всей цивилизации), а экологически чистая сельская местность. Город может стать местом, пригодным для проживания только в случае, если он будет полностью соответствовать гармонии экологически чистых сел.

Людей, некогда живших и живущих сегодня в предгорьях огромной цепи от Аманов до Загроса, я считаю самыми святыми путниками тех богов и богинь, которые по сей день сидят на своих тронах на вершинах гор. Я верю, что обвинения в «отсталости» этих людей по сравнению с модернизмом следует воспринимать с точностью до наоборот. Я верю, что противопоставление развитости и отсталости — это идеологическое суждение, способствующее великому повороту к свободе, потому что не только обозначает отсталость, но помогает разобраться в капиталистическом модернистском мышлении, снизить до реальных человеческих основ жизни. Освобождение из адских сетей модернизма, столпами которого являются погоня за наживой, индустриализация и национальная государственность, помогает гораздо лучше во всем разобраться и способствует обогащению смысла жизни. Лично я не променяю свой интерес и любовь к кургану, оставшемуся со времен неолита, на все великолепие Нью-Йорка. Этот мегаполис, который не несет никакого внутреннего смысла, который открыл свои двери страсти к еще большей наживе, заключил человека в железную клетку и отдал на пожирание чудовищам индустриализма. Он не лучше, чем самая плохая копия Вавилона с его смешением семидесяти двух языков, где никто никого не понимает. У меня нет никаких сомнений по поводу того, что путь к освобождению человечества пролегает через разрушение урбанизма с его злокачественной структурой.

Это краткое отступление предназначено оживить ассоциации с источником жизненной культуры, с которого мы начали свой путь. Не поняв во всех деталях современный стиль жизни, ставший продуктом созданных людьми социальных реалий, мы не сможем выйти за рамки роли «глупых слуг модернизма». Не освободившись из злокачественных сетей модернизма, который окутал всех и вся, вплоть до простого пастуха в горах, модернизма, разложение сути которого я пытался проиллюстрировать с помощью высказываний самых известных философов, модернизма, которым, несомненно, и я был некогда охвачен, мы не сможем обрести своим мышлением и волеизъявлением (мышление — организация — практика) познать богатств свободной жизни во всей прелести ее источников. Рано или поздно мы поймем, что нельзя правильно прожить нашу жизнь, которая изначально устроена ошибочно.

Попробую подробнее изложить то же более научным языком. Социальные реалии, созданные в регионе Плодородного (Золотого) Полумесяца, в общих чертах продолжают свое существование в господствующем сегодня жизненном укладе. Элементы интеллектуальной и материальной культуры, несмотря на определенные количественные и качественные изменения, по сути своей схожи. Язык с точки зрения базовых характеристик един. Формы мышления дифференцировались в научных, религиозных сферах и в сфере культуры. Оборонительные войны и агрессии существуют сегодня так же, как и вчера. Продолжает реально существовать семья как основная единица.

Разница между всеми этими категориями углубилась по мере расширения и укрепления государственности. Государство, постоянно расширяющее сферу своего влияния в ущерб обществу, дабы удовлетворить собственные потребности, постоянно превращает в свою собственность и социально-интеллектуальные и материальные ценности, чем способствует их качественному и количественному изменению. Социальный прогресс продолжается как противостояние государству, а вовсе не наоборот, как принято считать. Мы постараемся осмыслить основные принципы дееспособности всех государственных образований — от шумерского государства жрецов до национальной государственности капиталистического модернизма. В частности, мы увидим, что не классовое расслоение способствовало массовому развитию государственности, а наоборот.

Я считаю, что Фернан Бродель недостаточно осознал роль такого понятия, как срок в общественном развитии. В частности, в подробном раскрытии нуждаются такие понятия, как срок и культура, срок и цивилизация, срок и общество. Это очень серьезный вклад в историю, который, однако, не был эффективно применен в исторической науке. В данном исследовании я самостоятельно раскрою это понятие и постараюсь его применить.

А

«Наиболее длительный срок» начался после завершения четвертого ледникового периода и закончится, когда общество Плодородного (Золотого) Полумесяца, сформировавшее основной поток неолитической революции, не сможет продолжать физическое существование из-за аналогичного ледникового периода, ядерной трагедии, непреодолимой эпидемии или иных подобных причин. В этом обществе «длительного срока» китайская и семитская культуры занимают место боковых путей развития. Прочие мелкие культурные ответвления стали реками, вносящими свои воды в основной поток. Необходимо хорошо понять сущность данного тезиса. Интеллектуальные и материальные достижения существующего общества настолько сильны, что никакая внутренняя социальная причина не может привести это общество к упадку, даже несмотря на свое разрушительное предназначение. Понятие «фундаментальное культурное общество» мы можем применить и к этому сроку. Причина того, что я частенько упоминаю, хотя и повторяюсь при этом, шаблоны, содержание и накопления этого периода, заключается в стремлении постичь понятие «фундаментальное культурное общество», соответствующее понятию «наиболее длительный срок». Ведь понятия «срок» и «общество» в своих новых смыслах способны внести вклад в историческую науку. Либеральные социологи уже сегодня с помощью ложной метафизики своими суждениями о «конце истории» пытаются убедить в реалистичности собственного восприятия общества. Марксисты и другие сторонники «апокалипсиса» в полном отрыве от категорий времени и места обещают эпоху вечного счастья. Пессимисты, чаще ностальгирующие по «золотому веку», поддерживают тезис о бессмысленности сегодняшнего «века слабости».

Понятие наиболее длительного срока гораздо более научно, чем эти теории. Оно оперирует конкретными условиями и представляет понятные аргументы применительно к базису и надстройке общественной системы. Оно не душит историю, вгоняя ее в рамки некоего потока явлений, и не опускается до примитивного похода о периодичности возникновения

узких социальных образований. Ни мгновенные явления, ни общественные формы не способны содержательно объяснить смысл жизни. Они могут лишь дать частичные пояснения.

В фундаментальных культурных обществах с самым длительным сроком существования существуют религиозные, государственные, эстетические, правовые, экономические, политические и прочие основные системы, которые постоянно претерпевают количественные и качественные изменения. Не - которые из них уменьшаются в масштабах, противостоящие им, наоборот, разрастаются. Если некоторые системы попросту исчезают, то дееспособные продолжают свое существование или в других, или в совершенно новых системах. В целом можно сказать, что между всеми понятиями и системами общества имеется некая формирующая диалектическая связь. Единство основного культурного общества не говорит об отсутствии в нем сильных членов и новых внутренних образований.

В этом смысле мы могли бы понять спор между сторонниками эволюционного характера жизни и сторонниками теории создания жизни. Те, кто считают жизнь результатом создания, осознают, что такое наиболее длительный срок. Основные свои силы они черпают именно в этом. Божественные заповеди о сроках создания жизни и конце света могут быть раскрыты с помощью культурного восприятия. Если прибегнуть к социологическому толкованию, то Создатель осознавал священный, возвышенный, выдающийся характер создаваемого общества. Впрочем, все три Священные Писания (Тора, Евангелие и Коран) представляют толкования волшебного, священного характера жизни в Плодородном (Золотом) Полумесяце. Принадлежность большинства человечества к этим трем религиям обусловлена качеством сформированных ими толкований. До - ведение утверждения, что новая культурная жизнь, развивающаяся с волшебной скоростью (это очевидно для человечества того периода), перейдет в бесконечность, до уровня фундаментальной веры свидетельствует о силе воздействия данной культуры. Задумаемся: человеческие сообщества, которые в течение миллионов лет не могли освободиться от кланового образа жизни и уровня приматов, благодаря неолитической революции в регионе Плодородного (Золотого) Полумесяца сталкиваются с чрезвычайным строительством общества, которое можно назвать не иначе как потрясающим. Разве могли эти люди не воспринять данный общественный уклад иначе, чем священный, возвышенный, божественный, праздничный?

Тут я должен напомнить, что такие ученые, как Эмиль Дюркгейм и другие, ограничиваются тем, что считают общество группами людей, возникшими из общности явлений и структур. Югассовое расслоение, государство, экономика, право, политика, философия и религия не выходят за рамки этой логики. Но эти мыслители никак не хотят понять, почему эти представления не могут иметь той же ценности, что и Священное Писание. Самая серьезная слабость пояснений ученых заключается в том, что они не смогли осознать значения общества, имеющего самый длительный срок существования. Я должен вновь особо подчеркнуть, что человечество обладает долгой исторической памятью, и от этой памяти нелегко избавиться. Привязанность человечества к священным религиозным книгам вовсе не связана с тем, что эти книги посвящены абстрактным богам и, как принято считать, регламентируют некоторые ритуалы. Люди испытывают к этим книгам большое уважение потому, что ощущают в них смысл и след истории собственной жизни. Эти писания оказались в ряду незаменимых категорий потому, что в какой-то степени являются памятью

современного общества. И лишь на втором плане оказывается, насколько правдивы явления и понятия, описанные в этих книгах. Фернан Бродель, очень кстати сказав о том, что история должна обрести характер социологии, а социология — характер истории, привлек внимание к фундаментальной методологической и научной ошибке. До тех пор, пока не будут установлены осознанные связи между сроком и обществом в историческом ракурсе, отдельные исторические и социологические суждения не перестанут наносить серьезные раны обществу и будут дальше толкать его в про - пасть обесмысливания. Можно собрать массу фактов, основанных на документах, установить множество социальных правил и систем, регламентировать их существование, но до тех пор, пока не будет дан ответ на вопрос, где, когда и что именно говорят люди, живущие в обществе, вклад истории и социологии в познание смысла так и останется грубым материалом, не более того.

Несмотря на то, что эволюционисты лучше других подтверждают факты и явления, им не избежать нашей критики, потому что они не способны понять смысла общественного срока. Общественная память гораздо важнее эволюции фактов и явлений. Для человека познание смысла важнее констатации фактов. В обществе жизнь подобна речному потоку, и то, что люди не собираются отказываться от веры в бога, объясняется силой общественной памяти. Ниже мы еще остановимся на этом вопросе подробнее, сейчас же скажу, что посредством понятия «Бог» общество определяет свою историческую память. Позитивизм, как болезнь модернистского толка, в основе своей противостоит памяти общества, а косвенным образом он противостоит метафизическим воззрениям общества, поэтому он не избежит нашей жесткой критики. Подобно тому, как чело - век, потерявший память, сталкивается со многими жизненными трудностями, в итоге превращается в дитя, так и общества, потерявшие свою историческую память, оказываются лицом к лицу с угрозой полной потери своего «я». Общественные системы, потерявшие память, неизбежно подвергаются эксплуатации, агрессии и ассимиляции.

Несмотря на утверждения позитивистов о том, что они подходят к обществу с научной точки зрения, позитивизм — это школа, которая меньше всех знает истинный ход развития общества. Рассуждая об обществе как о некоем грубо материалистическом сборище, не имеющем никакой истории, они таким образом (заблуждениями и ошибочным толкованием) способствуют развитию наиболее опасных социальных катаклизмов. Понятие социальной инженерии тесно связано с позитивизмом. Сторонники этого учения считают, что внешним воздействием можно придать обществу любую форму. Эти представления, схожие с официальным мировоззрением модернизма, формируют легальную базу войн за власть и зоны эксплуатации, которые осуществляются как в рамках общества, так и за его пределами.

Б

Понятие «структурный срок» мы можем применить к фундаментальным структурным преобразованиям в процессе развития общества. Характеристика сроков создания и распада фундаментальных образований может внести вклад в осмысление социальных реалий. Базируясь на таких явлениях, как угнетение и эксплуатация человека, можно дать осознанную оценку социальным различиям между рабовладельческим, феодальным,

капиталистическим и социалистическим строями. Связь между структурными сроками и общественными формациями нашла свое отражение в серьезной литературе по данной теме, но в связи с тем, что не была установлена смысловая связь с такими понятиями, как наиболее длительный и короткий сроки, тема была раскрыта недостаточно, не удалось избежать повторов и клише.

Неолитическое общество можно оценить только вместе с структурными сроками и сроками становления культурного общества. Существование таких специфических явлений, как материальные и интеллектуальные жизненные ценности, можно объяснить «структурными сроками», но поскольку существующее и поныне культурное влияние продолжается до полного физического уничтожения или распада, то можно говорить о наиболее длительных сроках. Предметом сроков фундаментальных культурных обществ являются такие формы мышления и широкие группы людей, как наука, искусство, религия, язык, культурно-этнические сообщества, которые, несмотря на разнообразные изменения, претерпеваемые ими до конца срока, не теряют дееспособности. В частности, в этот период во главу угла можно поставить экологию, которая связана с результатами всех отраслей науки и стала наукой экономической структуризации. Постоянно должен быть актуальным также такой предмет, как демократическая политика, являющаяся по сути и наукой, и структурой.

Наряду с государственным укладом и образом жизни, которые являются основными элементами структурного срока, очень важны также иерархия, классы, государственные границы, существующие априори вместе с государством, а также такие понятия, как имущество, родина-земля, государство жрецов, государства династий, республика и национальные государства, представляющие собой основные формы государственности. Очень серьезное место занимают различные религии. В категорию структурных сроков входят способы производства, разделяющие одно общество от другого (неолитический, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, социалистический способы производства). В рамки понятия «структурный срок» входит предмет структурного распада.

Нижнюю ветвь социологии, изучающую структурные вопросы, можно вполне справедливо назвать «общей социологией». С точки зрения общего содержания можно назвать предметы наиболее длительного изучения «фундаментальной культурной социологией».

В

Предметы средних и коротких сроков, и с политической, и с качественной точек зрения включают в себя разнообразные явления и факты. Основные предметы исследований коротких и средних сроков — культурные и структурные изменения и преобразования. Предметы средних сроков имеют несколько больший срок существования, но включают в себя изменения, возникающие в рамках тех же структурных категорий. Например, в рамках этого суждения можно представить себе экономические кризисы, смены политических режимов, различного типа организации экономического, общественного, политического и практического характера. Одним из основных предметов категории коротких сроков является весь комплекс общественной деятельности индивида и его социализация. Средства массовой информации рассматривают гораздо более краткосрочные факты и

явления. В числе первых находятся краткосрочные факты разового характера, встречающиеся в любой структуре.

Уместно упоминание социологии Огюста Конта, принимающей за основу краткосрочные факты. Иными словами, лучше всего именовать ее «позитивной социологией» (при этом не будем забывать о фундаментальной критике в ее адрес). По сути, она должна стать одной из ветвей социологии, изучающей события. События приобретают определенный вес и определяющий характер, в особенности в периоды хаоса. Завершенный характер может иметь слияние социологии вместе с фундаментальной культурной и общей социологией и позитивной социологией, изучающей события и факты.

Г. Все космические события и явления, включая, в частности, общественные, требуют обстановки, которую мы называем хаотическим и квантовым мирами. Квантовый и хаотический миры являются созидательными мирами. Несмотря на то, что до сих пор они серьезно не изучены, их существование является неоспоримым фактом. Одним из вопросов, все больше и больше интересующих науку, является поддержка всех долго - срочных, средних и краткосрочных образований в том виде, в каком они возникают «в любое мгновение» и «случаются с короткими перерывами». Нельзя пренебрегать так называемым мигом создания, который можно было бы назвать «квантовым мигом» или «хаотическим промежутком». В космосе даже понятие свободы реализуется в этот самый «миг». Сама свобода связана с «мигом создания». Все образования природы и общества, обладая, с точки зрения создания, выживания и сроков существования, различные характерные признаки, тем не менее, испытывают потребность в «мгновениях создания».

В таком случае уместно как-нибудь назвать социологию, рассматривающую с общественной точки зрения все вопросы создания в самые кратчайшие сроки. Лично я предлагаю называть науку, изучающую «миг создания» в ракурсе социальных явлений, «социологией свободы». Скажу больше, я уверен, что социология свободы, которую можно назвать еще социологией мышления, благодаря гибкости мышления человека, обретшего беспрецедентные способности, благодаря социализации, и возникшей в связи с этим созидательности, превратилась в одну из серьезных сфер науки. Необходимо превратить изучение свободного мышления и воли к свободе в основной предмет изучения этой науки. В связи с тем, что развитие в миг созидания есть развитие освободительного характера, социология свободы, которую можно назвать также социологией творчества, стоит во главе социологических вопросов, которые требуют наибольшего развития, поскольку «квантовый миг» и «хаотический промежуток» охватывают больше всего социальную сферу, следовательно, интересуют ее больше всего.

Особо можно поговорить об «астрономическом сроке», который не входит в сферу интересов нашего груды, но включен в общие рассуждения. По сей день не определены вопросы, входящие в рамки интересов этого срока, но в общих чертах мы могли бы включить в круг интересов «астрономических сроков» такие вопросы, как образование «солнца», «небесных тел», их исчезновение, потрясающие способности вселенной, заключающиеся в «расширении» и «сужении», и связанные с этим ее фундаментальные силы «тяги» и «толчка». Жизнь все - ленной также является одним из самых спорных вопросов.

В соответствующих разделах мы раскроем положения о методах социологических исследований и попытаемся их применить. Считаю, что не должен отвлекаться от эксперимента, и вполне естественно, что мои построения имеют ценность как проект.

Рассмотрим еще раз процесс общественного развития в Плодородном (Золотом) Полумесяце с точки зрения этой социологии. Социология свободы попала в хаотический промежуток, наиболее плодотворный с точки зрения истории общества в период неолитической революции в регионе. Кочевые племена, поддерживавшие существование с помощью охоты и собирательства, в эпоху, когда остатки ледников были уже толь - ко на самых вершинах гор, воспользовавшись опытом прежних периодов, совершили переход к оседлому образу жизни с применением земледелия. Клановые сообщества, насчитывавшие сотни миллионов лет, оказались лицом к лицу перед переходом к более широким социальным образованиям. Речь идет о пере - вороте в мышлении, о самом настоящем взрыве. Вместо языка, не полностью оторвавшегося от старого кланового мышления и языка знаков, они перешли к более широкому мышлению, основанному на структуре оседлого поселения. Активно развивалась система языка, основанная на символах. Разнообразные продукты питания, средства передвижения, ткачество, гончарное дело, прядение, памятники архитектуры, религии и искусства, воз - никнув, требовали новой системы именования, новых шаблонов мышления.

Основываясь на новом укладе жизни сельских поселений с преимущественными социальными критериями, клановые связи постепенно превращались в этнические. Эти новые формы материальных образований не могли не только развиваться, но даже начать свое формирование без более осознанных рамок мышления. Переворот в мышлении и язык продолжали носить в себе символ старого кланового общества, то есть «тотема», но и обогатились символом неолитического общества — фигурой «матери-богини». По мере уменьшения числа тотемов отмечается распространение фигур матери-богини. Они символизируют роль возвышающейся женщины-матери. Качественно новая ступень с точки зрения религии, это явление характеризовалось очень богатой чередой именований и понятий. В языке стали появляться категории женского рода, и на протяжении долгого времени женский род главенствовал в категориях символического языка. И сегодня во многих языках можно встретить подобное явление. Вместе с матерью-богиней ореол святости распространялся на весь процесс социализации. Формирование нового общества означает появление новых понятий и именований. Поскольку процесс, называемый нами революцией мышления, требует созидательности, нам следует включить это в рамки социологии свободы. Его поступательное развитие становится той темой, изучение которой объединило наиболее значимых историков. Это процесс, означающий формирование тысяч фактов, тысяч этапов революции мышления и возникновения имен. Имел место своего рода взрыв в мышлении, потребовавший более содержательных, оригинальных и созидательных усилий, чем в Европе. История подтвердила, что подавляющее большинство понятий и изобретений, используемых нами сегодня, появились именно в эту эпоху.

Даже грубо классифицировав, мы увидим, что речь идет о периоде созидания, занимающем не менее половины эпохи. Целый список, включающий такие достижения, как религия, искусство, наука, средства передвижения, архитектурные сооружения, выращивание зерна, фруктов, одомашнивание мелкого и крупного рогатого скота, ткачество, гончарное дело,

прядение, кулинария, празднества, семья, иерархия, управление, оборона и агрессия, подарки, земледельческие орудия и многое другое, и сегодня, в развитой форме составляют фундаментальный список общественной жизни. Обратив внимание на оставшуюся от неолитической эпохи структуру села и семьи, мы видим, что общественная мораль, наиболее благородная по своей сути и составляющая силу общества, делающая жизнь осмысленной, включающая такие понятия, как уважение, любовь, добрососедские отношения, взаимная поддержка, намного выше ценностей (или безнравственности) капиталистического модернизма. Фундаментальные шаблоны общественного мышления, не теряющие значения по сей день, в своей основе отмечены символами той эпохи.

Жизнь явлений и фактов в регионе, с точки зрения позитивной социологии, была очень разнообразной для своего времени. В сравнении с примитивными формами охоты, самозащиты и собирательства в клановом обществе, явления и события в регионе Плодородного (Золотого) Полумесяца представляли собой поистине взрывной характер. Бесчисленные разнообразные события и явления, получившие новые имена, символизируют голос и практику человека. То, что основное понятие, заложенное этим историческим периодом в сознание человечества, впоследствии трансформировалось в понятие «рай», можно видеть из священных книг. Может быть, мы имеем дело с одним из счастливых мгновений позитивной социологии. Речь идет об эпохе, которая звездопадом украсила жизнь человечества. Во всех концах мира буквально дождем лился свет, звездное сияние фактов и явлений, земля озарялась райскими мечтаниями о развитии общества, на ней даже появлялись ростки практического осуществления этих мечтаний, одним словом, происходил процесс культурного обогащения.

С точки зрения общей социологии, в регионе Плодородного (Золотого) Полумесяца можно видеть следы всех структурных образований, оставивших свой отпечаток на общественном прогрессе. В частности, период 7-5 тысячелетий до н.э. является периодом полной структуризации. Были определены регионы, которые в дальнейшем оказались в основе сельских и городских поселений, был осуществлен переход к оседлым поселениям, зародилась иерархия, установилась структура религии, были построены первые молитвенные и ритуальные места, формировались этносы, выделились языки, зародились добрососедские традиции, нравственность и управление, казалось бы, достигли апогея. Иными словами, долговечность неолитического общества, земледелия и сельской революции, следовательно, структуризация, уже, казалось бы, нашли свою конкретную форму. Социальные структуры, составляющие основной предмет исследования общей социологии, впервые достигли высот своего развития в регионе Плодородного (Золотого) Полумесяца. И сегодня мы многое можем почерпнуть из этой практики структурных образований, которые требуют тщательного изучения как оригинальные структуры общества. Чем тщательнее мы изучим структуры, возникшие в регионе и ставшие первыми ценностями человечества, тем больше будет у нас здоровых знаний об общей социологии. Следовало бы хорошо знать о том, что современная общая социология страдает очень серьезным недостатком осмысления. Если общая социология проведет самоанализ в качестве одной из частей общей социологии, то она может стать эффективным выражением науки осмысления.

Религии и культуры, чьи корни зародились в регионе Плодородного (Золотого) Полумесяца, и которые являются предметом фундаментальной культурной социологии, представляют собой оригинальный источник. Общество существует в регионе уже очень долгое время. Как мы уже подчеркивали выше, общественная культура и пояс цивилизации, зародившиеся в регионе Плодородного (Золотого) Полумесяца, останутся главенствующим до тех пор, пока природная и социальная стихия (например, возвращение к эпохе кланового общества) не нанесет существенного вреда жизни и деятельности человечества. Превращение китайской или семитской культуры в гегемона цивилизации теоретически нельзя исключить в силу их содержания, но на практике это очень сложно. Наконец, несмотря на многочисленные агрессии, как исламского, так и монгольского характера, индоевропейская культура (то есть культурный источник арийского праязыка и культуры) вовсе не потеряла своего характера культуры-гегемона. В будущем Китай, возможно, прибегнет к новой агрессии, но крайне сложно предположить, что ему удастся аннексировать и поработить индоевропейской культуру, установить свою колониальную власть и эксплуатировать ее, обладающую столь осмысленными позициями оседлой культуры в мировом масштабе, разве что, если этому не поспособствуют чрезвычайные внешние факторы (например, грандиозные природные и социальные катаклизмы за пределами китайской территории). Фундаментальную культурную социологию мы могли бы отождествить также с общей социологией. В таком случае формы мышления, структура семьи, а также преобразования и трансформации в этнических и родовых образованиях (тех, что являются частью всех культур, в первую очередь, трех великих культур), могут составить предмет изучения общей социологии. Еще более важно, что точки соприкосновения социологии свободы с общей социологией, положения, лежащие в их основе, и «обстановка хаоса и разложения» как итоги их развития, могут изучаться в качестве предмета общей социологии.

Вторая серьезная ступень развития общества, возникшего в регионе Плодородного (Золотого) Полумесяца, которая началась с шумерского государства жрецов, станет ступенью цивилизованного общества. Цивилизованное общество — это иерархически-династический прорыв, основанный на культуре Плодородного (Золотого) Полумесяца. Объединение возможностей классового расслоения, связанных со способом производства обильного и разнообразного продукта, с процессом урбанизации приводит к тому, что любая иерархически-династическая группа, используя возможности сильного человека, может перейти к процессу формирования государственности. Мы знаем о множестве таких попыток не только в Нижней Месопотамии, но и в Верхней и Средней Месопотамии, входящий в регион Плодородного (Золотого) Полумесяца. Если некоторые такие попытки успешно закреплялись, то некоторые попросту не смогли соответствовать жизненным условиям. Государство толкуется Священным Писанием как Левиафан (чудовище, вышедшее из моря). Дальнейшим предметами нашего исследования станет кровавое эксплуататорское влияние этого чудовища на общественный прогресс, время от времени заканчивающееся кровавым геноцидом, а комплексное исследование этого явления будет проводиться посредством анализа форм эксплуатации и методов узаконения этой эксплуатации человека под руководством королей в масках и без них, завуалированных и голых.